

Ирина А. Щирова (Санкт-Петербург)

О сложности мира, текста и познания: методологический аспект

Ключные речи:
*текст, сложность,
многомерность,
моделирование,
бинарные оппозиции,
междисциплинарное
исследование, холизм.*

Сложность мира интересовала ещё античных философов, которые размышляли о природе сложности и различениях, вводимых человеком для её описания. Научные исследования сложности появляются во второй половине XX века, когда возникает необходимость управлять сложными артефактами, в первую очередь, программным обеспечением. В «науку о сложности» включают междисциплинарные научные направления, образующие основу современных высоких технологий, а её истоки обнаруживают в теории сложных систем, возникшей из кибернетики Н. Винера, в общей теории систем Л. Бераланфи и в

У ovom раду основу за анализу савремених метода описа текста чини категорија сложености, која је у корелацији са сложеностију савременог света и човека као „полазне мерне тачке“ у научној анализи. Фокусира се пажња на сложености спознаје и описа текста, на проналажењу узрока тој сложености, као и на методама које респектују такву сложеност.

теории динамических систем, связанной с именами И. Ньютона и А. Пуанкаре. Объединяющей основой и ведущим методом таких исследований называют компьютеринг как устоявшуюся, каноническую часть компьютерных наук (см., например, [Леонов 2006]).

Изучение сложности осуществляется и с позиций синергетики. Охарактеризовать системно-синергетическое осмысление научных реалий в рамках небольшой по объёму работы не представляется возможным, поэтому ограничимся примерами, подтверждающими внимание к синергетическому потенциалу языка, синергетической рефлексии и синерге-

 2011

тическому методологизму. Сошлёмся на два сборника научных трудов программной направленности 2004 г., в которых обобщались роль и место синергетики в современной науке: коллективный труд «Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире» и четвертый том серии «Синергетическая парадигма». В первой из публикаций специалисты в области философии и методологии науки проследили изменение роли науки в обществе в связи с её выходом на постнеклассический уровень развития, – знания об объекте в это время стали соотноситься не только со средствами, но и с целевыми установками познающего субъекта. Были сформулированы принципы сложного мышления – основы эпистемологии сложного [Вызов познанию... 2004: 7–26], намечено будущее синергетики как трансдисциплинарного направления научных исследований, ориентированного на изучение законов коэволюции и самоорганизации сложных систем разной природы [там же: 29–47], охарактеризована роль синергетики в формировании новой единой научной картины мира. Утверждалось, что эта картина мира «может и должна» строиться в контексте парадигмы сложности мира и человека, конструирующего ‘искусственную природу’ техники и социальных институтов [там же: 387]. В «Синергетической парадигме» получила описание роль синергетики как общенаучной исследовательской программы в её отношении к системному анализу [Синергетическая парадигма..., 2004: 58–77], был предложен методологический анализ синергетики [там же: 173–183] и обсуждены коммуникативные параметры синергетической среды. Многие авторы сборников, известные весомым вкладом в изучение проблем сложности и системно-синергетического мышления,

представляли разные области научного знания, не обязательно гуманитарного. Примером служат работы В. И. Аршинова, О. Е. Баксанского, В. Г. Буданова, В. В. Василькова, М. С. Кагана, Е. Н. Князевой, С. П. Курдюмова, В. С. Степина, Д. С. Чернавского и др. В логике синергетической парадигмы сегодня осмыслиется и литературный текст (ср. [Каган 2006] или [Гончарова 2008: 227–236]).

Всеобъемлющие классификации сложных систем убеждают в универсальном характере сложности. Если следовать идеям М. Кагана (2006), многообразие мира можно связать с функционированием четырёх видов систем: простыми (природными и механическими, воспроизводящими форму бытия природных систем); сложными, или органическими, присущими живой природе; сверхсложными антропо-социо-культурными и супер-сверхсложными системами. К последним относится личность человека. Её «адекватное воссоздание» Каган приписывает искусству определённого этапа развития, а именно, европейскому реалистическому искусству Нового времени, главной целью которого он называет образное постижение личности. Художественный образ как инобытие личности, пишет Каган, стал *второй модификацией данной системы...* «идеальной моделью личности». [Каган 2006: 77–79]. Уникальность и «био-социо-культурное» триединство свойств личности делают её чрезвычайно трудной для научного познания, поэтому, обращаясь к личностному измерению человека, мы опираемся не на объяснение и законы гносеологии, а на понимание и искусство интерпретации (герменевтику) (там же).

Несмотря на свои древние корни, проблема сложности обретает особую актуальность сегодня. Усложнение соци-

альных, экономических, политических, религиозных процессов, как и личностных конструкторов, во многом, прогнозируется современной глобализацией и интернационализацией человеческих ценностей. В науке о сложности усматривают *целостное* мировоззрение, позволяющее увязывать научные процессы; новую научную парадигму, «общепризнанный образец» (по Куну), в соответствии с которым исследователь выстраивает концептуальное и методологическое описание научных объектов. Феномен сложности становится важным и для философии, и для методологии, и для прогресса науки, а изучение его разных аспектов отвечает на «вызовы» времени, отличающегося неустойчивостью.

В общем контексте сложного оправданно акцентируется сложность художественного текста, в котором всегда видели многосторонний, полифункциональный и многозначный феномен. Эта сложность, в немалой степени обусловленная трудной для понимания «риторической природой» поэтического языка, подтверждается и множеством «измерений», выделяемых для описания природы текста и именуемых признаками (характеристиками, сторонами, аспектами, слоями, гранями и пр.). Чтобы ориентироваться в сложном мире, мы, для выражения научных знаний о его вещах, из *теоретически бесконечного* числа признаков – особых свойств, принадлежащих вещи или виду вещей, но не принадлежащих другим вещам, всегда отбираем лишь *некоторые* признаки. Важной характеристикой признака является то, что он, будучи «свойством, неотделимым от самой вещи», её «частью, стороной или деталью», даёт нам знание о вещи в целом. В каждом отдельном случае признак играет роль «осведомителя, дающего информа-

цию» о вещи [Ракитов 1969: 32] (курсив мой – И.Щ.). Семантические, структурные, композиционные, функциональные и прочие признаки («измерения»), уточняющие научное представление о природе текста, характеризуют один и то же объект, а поэтому взаимосвязаны и взаимозависимы. Их выделение условно. Оно диктуется конкретикой целей, задач и включённостью описания текста в современную исследовательскую парадигму научного знания. Вспомним интерес к когезии как к конститутивному свойству текста на начальном этапе развития лингвистики текста и сменивший его, в процессе утверждения общенаучных принципов диалогизма, рост исследований в области когерентности и интертекстуальности. Изучая текстовые «измерения», мы абстрагируем их от иных «измерений» и от самого текста, получая лишь частичное знание. Свойства, от которых мы абстрагируемся, могут быть существенными, т.е. могут раскрывать сущность текста, но не быть релевантными в контексте наших целей, задач и научных приоритетов (ср. [Горский 1961: 125]). Вынужденная схематизация описания текста программирует различие в толковании его свойств.

Более того, в соответствии с установками современной науки, описание текста подчинено позиции учёного. Если принять во внимание сложность личности человека, обусловленную его уникальностью, а также то, что человеческое сознание детерминирует содержательное наполнение текстовых характеристик в актах текстопорождения и текстовосприятия, вероятностный характер выводов о тексте не вызовет сомнения. Заметим, что сложное и текучее сознание человека не раз становилось предметом научного интереса, однако, его многочисленные объяснения, – и радикально новые,

и канонические, – по-прежнему редко стыкуются между собой, подтверждая трудность истолкования этого феномена. Сложность выявления и описания сущности текста усугубляется его включённостью в историко-культурный контекст и, как следствие, необходимостью контекстуализации текстовых свойств. Человек, порождающий, интерпретирующий и/или исследующий текст, как и человек, изображаемый в тексте (персонаж, повествователь и пр.), также существуют во времени и пространстве. Включение знаний о реальных и фикциональных субъектах в целостную структуру знания или определение истинности этих знаний невозможны без помещения в социо-культурный контекст (ср. [Морен 2004: 8]). Наконец, культура как гетерогенное образование содержит разные субкультуры с типичными для них ценностными ориентациями; многообразие этих составляющих может репрезентироваться в художественном тексте, ещё больше усложняя его толкование.

Сложность признаков (характеристик), выделяемых для раскрытия «многомерной» сущности текста, подтверждается разночтениями в приписываемом им понятийном содержании. Даже в отношении «глобальных измерений» текста – семантики, структуры и функции не существует единого мнения. Сошлёмся на некоторые примеры и начнём с ключевого «измерения» текста – семантики, поскольку художественный текст интересен исследователю, в первую очередь, своим смысловым потенциалом.

Термин «семантика» иногда трактуется как синоним термина «содержание», а иногда разграничивается с ним, но и в последнем случае интерпретируется неоднозначно. Так, Ю.И. Левин противопоставляет семантику прагматике по

принципу «внутреннего» и «внешнего» (семантика как область изображённой коммуникации отличается от прагматики как области реальной коммуникации). Промежуточное положение между этими областями отводится области глубокой, или интенциональной семантики, к которой причисляются гипотетические, ментальные конструкты: имплицитный автор и имплицитный читатель [Левин 1998: 464]. О.П. Воробьёва, дифференцируя семантику (значение) и содержание текста, понимает её расширительно – как опредмеченное в тексте знание о мире (фрагменте реальности или квазиреальности), о структуре коммуникации (включая коммуникантов) и о самом тексте [Воробьёва 1993: 41] (курсив мой – И.Ш.). О.М. Кобозева, напротив, рассматривает значение и содержание текста как синонимы и соотносит с ними полную семантическую репрезентацию текста, в то время как семантическую свёртку текста – результат проекция значения (содержания) на сознание интерпретатора – именуется смыслом [Кобозева 2000: 328, 333]. Автор этой статьи при описании смыслового потенциала текста разграничивает уровень (план) содержания текста, принадлежащий художественной коммуникации, и уровень смысла текста, принадлежащий интенциональной (глубинной) семантике. Так, в монографии 2000 г., посвящённой феномену литературного психологизма и языковому моделированию когнитивных процессов в литературе психологической направленности, гносеологической основой психологизации повествования была названа специфика семантико-функционального расслоения авторского «Я». Результатом этого расслоения объявлялось изменение взаимоотношения антропоцентриков художественного текста и выдвижение на

уровне его содержания и смысла антропоцентра «персонаж». Выделение антропоцентра «персонаж» на уровне содержания текста имело в виду принадлежащую изображённой коммуникации мыслительную самостоятельность персонажа, в то время как с уровнем смысла текста связывалась самостоятельность еще не изображенная, но уже планируемая автором [Щирова 2000: 10–12]. Не меньшую вариативность демонстрируют попытки выделить «измерения» *внутри* семантики текста, реализующие идею её послойного рассмотрения. Помимо упоминавшейся интенциональной семантики, в науке активно используются, далеко неоднозначно толкуемые, понятия рецептивной семантики, интерпретативной семантики, референциальной семантики, коммуникативной семантики, эмотивной семантики, концептуальной семантики и пр. Сложность восприятия смысловой организации текста усугубляется тем, что оно не статично, а процессуально и является результатом многократных проспективно-ретроспективных «челночных» пробежек сознания читателя.

Попытки освоить семантическое «измерение» текста, как видим, не являются общепризнанными. Этот вывод справедлив и по отношению к его структурному «измерению».

Единство художественного творчества человека сложно – пишет В. Шкловский [Шкловский 1970: 188]. Развивая идею сложности, Шкловский проецирует её на понятие структуры и называет последнюю «понятием такого взаимоотношения частей, которое определяет друг друга таким образом, что изменение одной части вызвало бы изменение смысла и значения всех других частей» [там же: 119]. Сложная структура искусства противопоставляется им «наиболее

разработанным» структурам языка (языковой структуре), которые мы познаём с детства и в которых мы вырастаем. В отличие от существующей тысячелетиями и, в целом, не зависящей от человека языковой структуры, структуры искусства, согласно Шкловскому, «в каком-то смысле однократны», «как загадка, предложенная Самсоном филистимлянам». Для творца структура искусства – «нечто, как бы им создаваемое. И он сознательно, иногда бессознательно в усилиях познать действительность, выбирает структуры, определяет границы и взаимоотношения сопоставленных, выбранных смыслов. Он сопоставляет разные структуры, переносит законы одной структуры искусства на область другой структуры» (подструктуры). Структуры искусства, подытоживает Шкловский, находятся «в некотором волевом распоряжении с другими *сложными способами*» [там же] (курсив мой – И. Щ.).

Описание структуры текста, будь то композиционная, синтаксическая или, тем более, повествовательная структура с фиксируемыми в ней многочисленными повествовательными инстанциями, пластами или планами далеко от единообразия (ср. диалог *vs.* монолог; внутренний монолог \ изображенная внутренняя речь \ художественно-трансформированная внутренняя речь и пр.; ср. множественные нарративные типологии). В качестве доказательства, упомянем поисковые исследования в области важной подсистемы полифонической структуры художественного текста – художественно-трансформированной внутренней речи. Она изучена достаточно подробно: выявлены коммуникативно-эстетические принципы её функционирования и её лингвистические конститутивные черты, систематизированы принципы её синтак-

сической, семантической и прагматической организации, уточнены текстовые средства, формирующие её диалогичность и т.д. Как наиболее субъективированный тип «непрямого говорения» художественно-трансформированная внутренняя речь присутствует в очень многих классификациях, однако, при ее анализе неизменно возникает терминологический разнобой. Его важной причиной становятся «бесконечные градации в степени чужести (или освоенности) между словами», их «разные отстояния» от говорящего, в т.ч., от плоскости авторского слова [Бахтин 1996: 331]. Близость различных типов «чужой речи» и связанная с нею доля условности отнесения текста к какой-либо повествовательной форме, дают основание рассматривать их в рамках одного понятия, например, понятия «внутренний монолог» или «свободный косвенный дискурс». Итак, научные наблюдения о структурном «измерении текста» также далеки от единообразия.

Едва ли удивят и разногласия в толковании функций текста, исследователи единодушны, пожалуй, лишь в фиксации его полифункциональности. Что же касается набора и иерархии конститутивных свойств текста (категорий), определяющих его качественную определённость и позволяющих отличить текст от нетекста, они давно, оправдывая этимологию слова (от греч. *problema* – задача), признаны проблемой, т.е. являются сложным вопросом и требуют разрешения (см. подробнее [Широва, Гончарова 2007: 92–103]).

Разночтения в определении терминов, используемых для описания художественного текста, объясняются рядом причин. Исходя из того, что предметом этой статьи выступает категория сложности, первой среди них упомянем слож-

ность текста. О ней убедительно свидетельствуют многочисленные попытки исследователей добраться в рассуждениях до существенных признаков текста и запечатлеть их в той или иной номинации. Важной причиной разночтений выступает антропоцентричность современной научной парадигмы. Значимость человеческого фактора оправдывает «расширение прав» исследователя текста в области трактовки терминов, как существующих, так и предлагаемых впервые; та же причина повышает вероятностный характер выводов о тексте как об объекте исследования. Современны звучат слова Сенеки: «Истина открыта для всех. Ею никто не завладел» [Сенека 1986: 73]. Наконец, не следует забывать традиционные сложности использования и образования научной терминологии, в частности, условное деление её основных терминов на две неравные части: базисные слова и производные от них (определяемые через них) научные термины. Определить базисные термины однозначно трудно, поэтому они сохраняют расплывчатость, что не мешает уточнению производной терминологии. Есть и ещё одно, немаловажное, обстоятельство: метаязык науки вытекает из естественного языка и не может быть отделен от него «непроницаемой перегородкой», нельзя полностью исключить обращение к этому языку и при изложении или чтении научных текстов. [Ракитов 1969: 77, 88]. Трудности использования языка науки закономерно распространяются на работу с художественным текстом, однако, они не должны «обескураживать» текстологиста. Скорее, они должны напомнить ему об ответственности за внедрение в важную область научного знания, ведь научный инструментарий помогает человеку ориентироваться в сложном и не-

определённом мире. В связи с обсуждаемой проблемой, уместно сослаться на мнение известного отечественного филолога, Ю. М. Колесова, который называет нашу эпоху «эпохой сытенькой филологии», перекормленной гиперонимами – универсальными отмычками но, увы, не ключом к истине. За божеством абстракций, пишет Колесов, уже не видно земного – языка как речи, и поэтому критикует современных лингвистов, стремящихся создать свой аппарат изложения, а фактически переписывающих заново известное. Постоянное обновление терминов и дефиниций создаёт *видимость* развития науки. Однако задача исследователя – сосредоточиться на причинно-следственных отношениях в языке, а не на неуклонно возрастающих степенях абстракции при утрате интереса к языку [Колесов 1999; 291–292]. Что касается дефиниций, то «добросовестный учёный каждый раз обязан объяснить, что именно он понимает под системой, под структурой, под функцией и т.д., поскольку «за внешней строгостью» научных терминов стоит множество представлений, определений, понятий и традиций в употреблении [там же: 290, 291].

Рассуждения о сложности мира, текста и познания позволяют прийти к следующему выводу: *сложное* интересно современному текстолингвисту не только как категория самостоятельной науки о сложности, но и как актуальная и важная характеристика современных научных объектов, отражающая специфику современного мира и ориентирующая на поиск новых стратегий исследования. Эти стра-

тегии, по-видимому, должны учитывать природу сложности – «того, что *сплетено* воедино» (Морен) – двояким образом¹. С одной стороны, подтверждая традиционное желание человека упростить сложное, они должны быть способны выполнять функцию *компенсаторных механизмов сложности*, т.е. должны нести в себе нечто ей *противопоставленное*, выступать по отношению к ней *противовесом*. С другой стороны, эффективные методы работы со сложным, напротив, могут быть ему «*созвучны*», *коррелируя* с его природой, как это имеет место в сложных по своей сути интегративных подходах к научным объектам.

Примером первой стратегии служит метод моделирования, причисляемый к основным принципам когнитивных наук. Понимание моделирования как познавательного механизма предполагает, что человеку, для его адекватного взаимодействия с реальностью, важно извлекать из среды не столько исчерпывающе полную информацию (это представляется невозможным по отношению к научным объектам повышенной сложности), сколько информацию, релевантную в конкретном контексте. Актуальность моделирования подтверждается рядом факторов и, в частности: 1) ростом исследований, провозглашающих моделирование основным методом и / или имеющих целью построение модели изучаемого предмета; электронный ресурс Российской государственной библиотеки за период 2000–2009 гг. содержит несколько сотен диссертаций по филологическим наукам, при этом слова *модель* и *моделирование*

1) Ср. Э. Морен – разработчик, родоначальник и приверженец сложного мышления, пишет: «Суть дела не в том, чтобы отказаться от познания частей в пользу познания целостностей или отказаться от анализа в пользу синтеза; *надо соединить и то, и другое*» [Вызов познанию... 2004: 27, 16] (курсив мой – И. Ш.)

используются в названии самих диссертаций; 2) появлением многочисленных моделей частных фрагментов изучаемой языковой и культурной действительности, постепенно вытесняющих ранее доминировавшие в науке обобщенные немногочисленные модели; 3) интенсификацией и изменением качественного наполнения прикладных разработок, в том числе, резким увеличением объема новых прикладных филологических направлений, в которых арсенал филологических методов и понятий используется для решения практических задач в сфере правовой деятельности, маркетинге и рекламе, политике и СМИ [Белоусов 2010: 94]. Автор этой статьи также использовал обсуждающийся механизм познания в анализе психологической прозы XX века, в результате чего им были предложены модель «внутреннего человека» в интериоризированных и экстериоризированных психологических текстах, модель миров эксплицитно и имплицитно изображенного сознания, модель поиска истины персонажем-квазисубъектом и пр. [Широва 2000].

Художественный текст являет собой модель реального мира, порождённую силою авторского воображения и уникальную по природе. Это единственное в своем роде, в силу неповторимости языковой личности творца, средство объективации авторской картины мира как концептуальной системы. Поскольку языковые репрезентанты этой системы, с одной стороны, являются результатом индивидуально-авторского выбора, а с другой, в большей или меньшей степени, участвуют в передаче концептуально-тематической сути текста, они неизбежно маркируют фиксируемое в тексте отношение автора не только к художественной модели, но и (опосредованно) к ре-

альной действительности как к объекту моделирования. Ставя перед собой задачу моделирования «когнитивного слоя» (тезауруса) [Караулов 1987] языковой личности автора, текстоллингвист, имея в виду условность разведения когниции и коммуникации, видит в этом когнитивном субъекте участника художественной коммуникации. При этом и автор, и приписываемые ему характеристики являются для него ментальными конструктами, т.е. принадлежат абстрактной коммуникативной ситуации, выстраивающейся в сознании. Научная ценность оперирования такими конструктами для текстоллингвиста очевидна: они позволяют делать выводы об объективированном в тексте когнитивном субъекте на основании языковой данности текста, а не фактографического материала, необходимого для характеристики реальной исторической личности. Автор является для текстоллингвиста абстрактным понятием, он «вырастает из текста» (Левин) и носит собирательный характер.

Условность моделирования, во многом зависящая от задач конкретного исследования, оставляет открытой для дискуссий природу моделируемого объекта. Это относится и к сложной сущности концепта в составе авторской концептуальной системы. Небезынтересно в этой связи привести «довод к авторитету» – сослаться на известного российского учёного Т. В. Черниговскую, которая, наряду с проблемами лингвистики, занимается в своей экспериментальной лаборатории проблемами мозга, т.е. работает на пересечении лингвистики, психологии и физиологии нервной системы. На вопрос о состоятельности гипотезы Сепира-Уорфа, подвергающейся сегодня резкой критике, Черниговская отвечает, что до окончания споров ещё далеко, поскольку есть

доводы «за» и доводы «против». Однако любой ответ на это вопрос исследователь справедливо не считает точкой. В мозгу, замечает Черниговская, декларирующая себя как агностик, – триллионы связей, которыми никто не управляет – это «запредельно сложная» система, самая сложная из известных нам, «пропасть, в которую мы добровольно бросились... Я не надеюсь, что однажды во вторник проснусь и мне откроется истина, как устроены мозг или язык (цит. по [Константинов 2007; http://www.expert.rul/printissues/russian_reporter/2007/24/interview_chernigovskaya]).

Осознавая ограниченные возможности моделирования, текстоллингвист осознаёт широкие возможности, которые предоставляет ему этот метод познания для изучения смыслов в составе авторской концептуальной системы. В первую очередь, это касается тех ассоциативно-образных и эмоционально-оценочных смыслов, которые образуют её индивидуально-авторскую составляющую. На основе поддающихся наблюдению вербальных репрезентантов концепта текстоллингвист выстраивает представление о его содержании, исходя из индивидуального объёма и качественного состава знаний (языковых, ситуативных, фоновых и пр.), обретенных им в процессе освоения мира и себя как его части. Результаты, полученные при анализе объекта-заместителя (вербализованного концепта) переносятся им на первоначальный объект – реальный концепт, существующий в сознании. Изоморфность модели объекту исключается, однако, её простота и компактность делают доступным сверхсложный в реальности мир творческого «Я», позволяют увидеть за иллюзорной хаотичностью образов и

голосов придающее ей целостность «многоголикое» смыслопорождающее сознание.

Точность выстраиваемой модели и доказательность выводов текстоллингвиста могут увеличиться, если работе с языковыми репрезентантам индивидуально-авторских концептов будет придан системный характер, например, путём использования в процессе моделирования понятия «алгоритм». «Алгоритм» подразумевает следование строго заданной последовательности выполняемых операций (шагов) с целью получения оптимального результата, набор приёмов в рамках заданных языковых средств. Алгоритмизация, ориентирующая исследователя на максимально детализированное представление моделируемого объекта, может рассматриваться как компенсаторный механизм по отношению к его сложной природе. Характер операций при этом будет диктоваться конкретикой целей и задач исследования, однако, сколь бы жёстким не был заданный алгоритм, языковая личность исследователя *argot* определит его индивидуальную модификацию, как и модификацию любых иных общепринятых научных понятий, стилей мышления, ценностных шкал и «понятийных сеток», частью которых они выступают.

Ещё одним примером намеренного «упрощения» сложной организации языкового материала текста можно признать построение иерархии оппозитивных эмоционально-оценочных текстовых смыслов, фиксирующих ценностные ориентации персонажей-антиподов и опосредованно, иногда методом от противного, транслирующих авторскую точку зрения. Интерес к оппозитивным текстовым смыслам – репрезентантам авторского мировидения оправдывается биполярностью *сознания*

как формы мысли. Предрасположенность людей мыслить оппозициями, рассматривая одну вещь как противоположную другой, прослеживается в разнообразных культурных сообществах и относится к тем схожим формам мышления и поведения, существование которых даёт основание говорить о генетической направленности ментальной эволюции. Таковыми являются табу инцеста, овладение «словарём цветов», селективное вкусовое предпочтение у детей сладкого – солёному, горькому или кислому; совпадения в распознавании миметических выражений, предрасположенность людей жить в небольших группах, состоящих из близких родственников. Врождённая предрасположенность мыслить оппозициями является особенностью бессознательной стратегии нашего мышления [Меркулов 2000: 71–73]. Важность систематизации оппозитивных смысловых зависимостей текста подтверждается важностью моделей и механизмов семантического противопоставления для научного описания реальных структур знания. М. В. Никитин называет дихотомию противоположностей «самым ярким проявлением конструктивизации действительности сознанием», её жесткого упорядочивания, «укладывания в двузначную схему, основанием которой служит диалектичность мира как единства противоположностей» [Никитин 2007: 414]. Появление контрастного языкового материала объясняется сходством обуславливающих его общих стратегий человеческого мышления; оно типично для всех функционально-речевых стилей. Как компенсаторный механизм сложности оппозитивные зависимости в образной системе художественного (психологического) текста и, в частности в её персонажной подструктуре, были опи-

саны автором в журнале «Стиль» 2008 г. [Широва 2008: 155–165].

Не меньшую эффективность в изучении сложных научных объектов, к которым относится и художественный текст, демонстрируют противоположные, с точки зрения соотношения с природой сложности, а именно, коррелирующие с ней интегративные подходы. Подтверждая плодотворность традиционного союза лингвиста и литературоведа, современный текстоллингвист обращается к сложной совокупности знаний о тексте, накопленных литературно-критическими школами, психологией и социологией, культурологией и философией культуры, не говоря уже о междисциплинарной программе исследований, объединённых интересом к когнитии. Холистический взгляд на мир, акцентирующий функцию целого по отношению к функциям его элементов, включается в число тенденций, определяющих характер науки будущего, где будет усиливаться интеграция научных дисциплин на полях полидисциплинарного исследования, а способность ученых нелинейно и целостно мыслить обретёт особую ценность. Развитие холистического мышления, формирование умения понимать глобальный контекст называется актуальной задачей перестройки современного образования и самообразования. Способность рассматривать сложные, иерархически организованные феномены с холистической точки зрения признаётся необходимым и единственно возможным условием их осмысления [Князева 2004: 30–31]. Актуальность формирования холистического взгляда на мир предпрещает научный интерес к тексту, который, являясь одним из ключевых понятий культуры, выступает объектом исследования многих на-

ук, продуктивно объединяет их усилия и позволяет исследователю демонстрировать широту научных взглядов. Текст объективирует «разум и дар речи», которые Цицерон называл связью общности рода людского в силу свойственной им способности «посредством наставления, изучения, взаимного общения, обсуждения и принятия решений» [Цицерон 1993: 71] сближать и объединять людей. Объединение усилий научных сообществ превращается, таким образом, в необходимое условие успешного осмысления феномена текста в контексте поиска новых путей к постижению целостности мира. Текст делает возможной полифонию наук.

Развитие холистического мышления подразумевает разработку системной методологии и системной парадигмы в познании, однако, новый образ науки не означает исчезновения ранее существовавших теоретических представлений и методологических установок, т.е. не отрицает научной преэминентности. Сошлёмся на популярную книгу М. Гелба *How to Think like Leonardo da Vinci. Seven Steps to Genius Every Day*. Главные мировоззренческие и методологические принципы Леонардо да Винчи формулируются в ней следующим образом: неустанное стремление к познанию, проверка знаний опытом, настойчивость в извлечении опыта из ошибок, усовершенствование чувственных способностей к восприятию мира, желание постичь двусмысленное, парадоксальное и неопределённое, сбалансированность в освоении научного и художественного знания, развитие логических навыков и навыков творческого воображения, работа над совершенством тела (грацией, осанкой, свободным владением обеими руками и пр.), осознание взаимосвязи всех сущностей и системность мышления [Gelb 2004: 9]. Даже бе-

глое ознакомление с этим списком позволяет назвать заявленные в нём установки оптимальными не только для человека эпохи Леонардо, но и для нашего современника, активно осваивающего информационно насыщенный мир, поскольку они (установки, принципы) учитывают сложность мира, его неопределённость и субъектную ориентированность.

Какие выводы можно сделать из всех приведённых выше рассуждений?

Художественный текст являет собой сложное «человекомерное» образование. Описание его характеристик, в большой степени, детерминировано двумя факторами: сложностью и многомерностью самого текста, многообразные актуализации которого включаются в культурный контекст, и сложностью и многомерностью человека, который, порождая, воспринимая, интерпретируя и/или исследуя текст, выступает «точкой отсчёта» его анализа, обладает сложным и текучим сознанием и также принадлежит конкретному историко-культурному контексту. Сложность «измерений» текста, т.е. признаков, отобранных исследователем для его описания, подтверждается разночтениями в их понятийном наполнении. Любое отобранное «измерение» представляет собой частичное знание, поскольку абстрагируется от целого; оно диктуется конкретикой задач и целей и детерминируется особенностями современной исследователю научной парадигмы. При описании текстовых «измерений» учёный должен быть требовательным к себе. Успешность определения исходных, предельно общих признаков, несмотря на их априорную размытость, формирует более надёжную основу для успешного описания частных характеристик, совокупность же последних, в конечном счёте (и в идеале), позволит

составить адекватное представление о природе текста и принципах его организации. Современный исследователь решает проблемы, сложность которых во многом обусловлена сложностью научных объектов. Методы познания и описания таких объектов должны либо коррелировать с природой сложного, либо выступать по отношению к ней компенсаторными механизмами, отражая естественное стремление человека упростить сложное и снять связанную с ним неопределённость. Примерами разновекторной методологической направленности могут служить, с одной стороны, метод моделирования, обеспечивающий доступ к природе сложного текста путём создания его упрощённой модели, а с другой – интегративные методы исследования, отражающие междисциплинарные свя-

зи и коррелирующие с холистическими тенденциями современного мышления. Однако, независимо от того, какое «измерение» текста интересует исследователя и какие методы он использует для его описания, современная наука сохраняет «человекомерность». Признание исследователя «точкой отсчёта» текстового анализа прогнозирует разночтения в трактовке природы текста и его свойств, маркируя, вместе с тем, принадлежность самого исследователя к конкретному интерпретативному сообществу. Важным концептуальным ориентиром «человекомерной» науки является постулирование правомерности сосуществования различных подходов к тексту. Интеллектуальная толерантность отражает реалии современного общества и сложность проблем, с которыми оно сталкивается.

summary

[IRINA A. SHIROVA]

On Complexity of World, Text and Cognition: Methodological Aspect

The current situation in modern world and modern science, where complex entities and complex thinking domineer, makes scholars in text-linguistics focus on complexity of text and fictional text, in particular. As a multidimensional phenomenon, fictional text has been characterized in numerous researches; however, its semantic, structural and functional “measurements” are still treated in different ways. What causes this variety is the complexity of text itself, the complexity of the world, reflected in the text, and the complexity of human being, who cannot study either the world, or the text, ignoring her\ his individual reaction. To solve the problems of fictional text, scholar, who has turned into the conceptual focus of modern scientific research, should take into consideration the complex nature of fiction. His methods of study can balance this complexity; the examples are modeling and building up binary oppositions of characters. No less efficient, however, are interdisciplinary research strategies, which, on the opposite, correlate with text complexity. In both cases, the problems are sure to be solved more successfully from new methodological positions.

Литература:

- Бахтин 1996: **Бахтин М. М.** 1961 год. Заметки // Собрание сочинений, т. 5. Работы 1940–1960 гг. – М.: Русские словари. – С. 329–360.
- Белоусов 2010: **Белоусов К. И.** Модельная лингвистика и проблемы моделирования языковой реальности. С. Вестник ОГУ, № 11 (117), ноябрь. – С. 94–97.
- Воробьева 1993: **Воробьева О. П.** Лингвистические аспекты адресованности художественного текста. Дис-я на соискание учёной степени д-ра филол. наук. М. – 382 с.
- Вызов познанию. Стратегии развития познания в современном мире. М.: Наука. – 475 с.
- Гончарова 2008: **Гончарова Е. А.** Интерпретация литературного текста в синергетической парадигме: Традиции и перспективы // STUDIA LINGUISTICA XVII. Язык и текст в проблемном поле гуманитарных наук. – СПб.: Политехника-Сервис. С. 227–236
- Горский 1961: **Горский Д. П.** Вопросы абстракции и образование понятий. М.: Изд-во АН СССР. – 351 с.
- Левин 1998: **Левин Ю. И.** Избранные труды. Поэтика. Семиотика. М.: Языки русской культуры. – 824 с.
- Леонов 2006: **Леонов А. М.** Эпистемология сложности в контексте компьютерных наук. Дис-я на соискание учёной степени д-ра филос. наук. Якутск. – 356 с.
- Каган 2006: **Каган М.** Метаморфозы бытия и небытия. Онтология в системно-синергетическом осмыслении. – СПб.: Logos. – 416 с.
- Караулов 1987: **Караулов Ю. Н.** Русский язык и языковая личность. – М.: Наука. – 264 с.
- Князева Е. Н. Трансдисциплинарные когнитивные стратегии в науке будущего // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире. М.: Наука. – С. 29–48.
- Кобозева 2000: **Кобозева И. М.** Две ипостаси содержания речи: значение и смысл // Язык о языке. М.: Языки русской культуры. – С. 303–359.
- Колесов 1999: **Колесов Ю. М.** «Жизнь происходит от слова...». СПб.: Златоуст. – 368 с.
- Константинов 2007: Константинов А. «Мы подвешены на языке». Русский репортёр. № 24 (24). [Электронный ресурс] // http://www.expert.ru/printissues/russian_reporter/2007/24/interview_chernigovskaya
- Меркулов 2000: **Меркулов И. П.** Когнитивные типы мышления // Эволюция. Язык. Познание. М.: Языки русской культуры. – С. 162–221
- Морен 2004: **Морен Э.** Принципы познания сложного в науке XXI века // Вызов познанию. Стратегии развития науки в современном мире. М.: Наука. – С. 7–26.
- Никитин 2007: **Никитин М. В.** Курс лингвистической семантики. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена. – 819 с.
- Ракитов 1969: **Ракитов А. И.** Анатомия научного знания. М.: Полит. – издат. – 206 с.
- Сенека 1986: **Сенека Л. А.** Нравственные письма к Луциллию. М.: Наука, 1986. – 384 с.
- Синергетическая парадигма. Когнитивно-коммуникативные стратегии современного научного познания. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 560 с.
- Цицерон 1993: **Цицерон М. Т.** О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М.: Наука. – 248 с.
- Шкловский 1970: **Шкловский В. Б.** Тетива: О несходстве сходного. – М.: Советский писатель. – 76 с.
- Щирова 2000: **Щирова И. А.** Художественное моделирование когнитивных процессов в англоязычной психологической прозе XX века. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ. – 211 с.
- Щирова, Гончарова 2007: Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация. СПб.: Книжный дом. – 472 с.

ИРИНА А. ШИРОВА

Щирова 2008: **Щирова И. А.** К проблеме сложного: оппозитивные отношения в системе персонажей как средство выявления авторской мирооценки // Стил (2009). – Београд: The International Association “Style” and Orthodox Theological Faculty of Belgrade University. – С. 155–164.

Gelb 2004: **Gelb M. J.** How to Think like Leonardo da Vinci. Seven Steps to Genius Every Day. – New York: Delta, 2004. – 317 p.